

ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

УДК 1; 316.4

DOI 10.23683/2227-8656.2017.4.18

ДИАЛЕКТИКА ЭВОЛЮЦИОННЫХ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПЛОСКОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭНТРОПИИ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Гнатюк Максим Александрович

Кандидат социологических наук,
преподаватель, Самарский государственный
университет путей сообщения,
г. Самара,
e-mail: gnatuk_m@yandex.ru

Печкуров Илья Васильевич

Кандидат социологических наук,
научный сотрудник,
ЮРФИС РАН,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: i.pechkurov@gmail.com

Воробьев Геннадий Александрович

Кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой информационно-
коммуникационных технологий, математики
и информационной безопасности,
Пятигорский государственный университет,
г. Пятигорск,
e-mail: vorobyev@pglu.ru

THE DIALECTICS OF THE EVOLUTIONARY AND REVOLUTIONARY CHANGES IN TERMS OF SOCIAL ENTROPY REPRESENTATION IN THE HISTORY OF RUSSIAN SOCIETY

Maxim A. Gnatyuk

Candidate of Sociological Sciences,
Teacher,
Samara State Transport University,
Samara,
e-mail: gnatuk_m@yandex.ru

Ilya V. Pechkurov

Candidate of Sociological Sciences,
Researcher, South of Russia Branch of The
Institute of Sociology of Russian Academy
of Sciences, Rostov-on-Don,
e-mail: i.pechkurov@gmail.com

Gennadiy A. Vorob'ev

Candidate of Pedagogical Sciences,
Head of the Department of Information
and Communication Technologies,
Mathematics and Information Security,
Pyatigorsk State University,
Pyatigorsk,
e-mail: vorobyev@pglu.ru

Настоящее общество во многом определяется исторической траекторией его развития, в которой особое внимание с точки зрения исследования социальной энтропии в развитии современной реальности привлекают революционные и эволюционные изменения. В данной статье рассматриваются особенности проявления социальной энтропии в контексте эволюционных и революционных изменений, тесно связанных с векторами и формами смыслового взаимодействия прошлого и настоящего в логике энтропийного роста и развертывания социальности. Авторами обосновывается идея о том, что экспансия социальной энтропии является следствием дезорганизации социальной памяти как символической реконструкции прошлого в настоящем и восприятия прошлого социокультурного опыта.

The modern society is largely determined by the historical trajectory of its development. In terms of the study of social entropy in the development of modern reality special attention is attracted to the revolutionary and evolutionary changes. This article discusses the peculiarities of social entropy in terms of evolutionary and revolutionary changes that are closely related to the vectors and forms of semantic interaction between past and present in the logic of the entropic growth and the deployment of sociality. The authors substantiate that the expansion of social entropy is the consequence of the social memory disruption as a symbolic reconstruction of the past in the present and the attitudes to the previous social and cultural experience.

Ключевые слова: социальная энтропия, эволюционные и революционные изменения, воспроизводство социальной реальности, историческая память, социальная память.

Keywords: social entropy, evolutionary and revolutionary change, social reality reproduction, historical memory, social memory.

Введение

В научной литературе уже утвердилась идея о зависимости настоящего развития общества от траектории его исторического прошлого, воплощенного в институциональной динамике [1]. Эта идея наиболее явное выражение и концептуальное оформление получила в методологических границах неоинституционального подхода. В несколько ином ключе эта же идея исторической зависимости форм и способов социального развития становится центральной в социокультурной теории П.А. Сорокина, в частности, в его учении о социокультурных флуктуациях, в рамках которой им выделяются такие типы флуктуаций с точки зрения их направленности, как линейные и нелинейные, циклические и вариантно повторяющиеся [2, с. 107]. Все разнообразие социокультурных процессов, по мнению Сорокина, в наиболее полном и адекватном виде может быть изучено с позиций флуктуаций вариантно повторяющегося типа, поскольку они отражают специфику развития исторических и социальных процессов как постоянно претерпевающих вечно новые вариации прежних схем и тем общественного развития.

Проблема соотношения эволюционного и революционного в отечественном интеллектуальном дискурсе

Характер социальных изменений, запечатленных в истории общества и оказывающих наиболее сильное воздействие на его последующее развитие, наиболее ярко выражается в понятиях «эволюция» и «революция», связанных между собой самым непосредственным образом. Эволюционные и революционные изменения следует рассматривать как стремление к созданию нормального (условно эталонного) общества на основе его умозрительного конструирования. Выявление диалектики циклов эволюционных и революционных изменений в контексте репрезентации социальной энтропии в российской истории помогает понять и объяснить характер социальной и культурной динамики, а также специфику трансформации общества на различных этапах его развития.

Социальная энтропия как перспективно содержащаяся в каждом периоде развития общества, как содержащаяся в клеточке социального организма и таящая опасность роста социальной дезорганизации, воспроизводства деструктивных явлений в социальной и культурной сферах, ослабления воспроизводственного потенциала социума, определяет значимость оценки исторического прошлого конкретного общества в контексте анализа его траектории развития.

В данном контексте привлекают революционные и эволюционные изменения в обществе как формирующие контраст между двумя типами обществ – революционным (или аномальным) обществом и обществом нормальным, создающимся в ситуации, когда взрывные силы охладилась, а вызывавшие их к жизни инновации приобрели банальный характер [3, с. 279–280].

Идея построения социально справедливого и в целом идеального общества стара как мир, с чем и связаны попытки революционным путем реализовать социальные идеалы. Для российского общества, в XX в. пережившего ряд революционных потрясений, проблема соотношения революционного и эволюционного чрезвычайно актуальна. А.А. Погребняк акцентирует внимание на том, что в контексте метафизики социального вопрос о революции имеет характер вопроса о возможности «взрыва» существующего порядка общественных отношений как единственного способа его «обновления». Проблема состоит в том, как возможно верить в революцию, если в самом ее понятии заключается противоречие (между содержанием цели – «порядок», пусть и радикально «новый», – и способом ее достижения – «взрыв») [4].

Привлекает также внимание проблема устойчивого развития в диалектике эволюционных и революционных изменений, так как именно с проблемой устойчивости, по существу, связана тематика проявления социальной энтропии.

В.В. Василькова, исследуя в русле социальной энтропии природу социального порядка и социального хаоса, ставит несколько вопросов методологического характера: в какой степени установление социального порядка можно отождествлять с энтропийными процессами (можно ли сказать, что упорядочение – это негэнтропийная тенденция, или наоборот, оно связано с ростом энтропии); является ли однородность элементов системы, в том числе и социальной, атрибутом порядка, или она ведет к дезорганизации и хаосу, или, может быть, структурное разнообразие является гарантом устойчивости и, следовательно, более сложного и «надежного» порядка? [5]

Россия представляет собой социокультурное пространство пересечения и противостояния самых возможных крайностей – власти и бунта, государственного порядка и перманентной революционности, государственности и свободы, Востока и Запада. Отсюда, видимо, и постоянное ощущение ее «ненормальности», несоответствия принятым в цивилизованном мире стандартам нормального развития. Мы вышли из «ненормального» Советского Союза, прошли через «ненормальные» реформы лихих 90-х и продолжаем ныне существовать в «ненормальной» стране. У нас исторически сложилась культура, в основе которой сожаление об упущенных возможностях, а не удовлетворенность достигнутым. Культурно-психологический шок, переживаемый при столкновении с изменившейся социальной реальностью, еще более остро манифестирует ощущение утраты привычного пространства ценностей. Исследователи считают, что сдвиг произойдет, когда в массовом сознании укоренится идея успешности [6].

Важной характеристикой проявления социальной энтропии становится актуализация исторического прошлого. В сущности, всякое общество в периоды кризисов и социальной неопределенности сталкивается с подобным феноменом. «Россия переживает сегодня кризис своих исторических оснований, – полагает И.К. Пантин. – Закончился огромный исторический цикл догоняющего развития России. Громадной стране с богатой и противоречивой историей предстоит заново обрести свою идентичность» [7, с. 27].

Однако в отечественном интеллектуальном дискурсе прошлое не обрело единых оценок и однозначного измерения. Относятся к нему по-разному, что отражает сформировавшийся в обществе эпоху распа-

да СССР социокультурный раскол, преодоление которого до сих пор остается актуальным. Более того, на современном этапе эта проблема вышла на передний план общественной, научной и политической дискуссии, так как осознанная на уровне власти и общества потребность в формировании единой национальной идентичности и консолидации разобщенного социума предполагает наличие целостной коллективной памяти, основанной на памяти исторической, а она у современных россиян фрагментарна, разорвана и мозаична. Описание недавней истории в России систематически превращается в построение конкурентных моделей исторической и культурной памяти [8]. Отсюда – неопределенность и непредсказуемость образов истории, которые под влиянием идеологических и мировоззренческих схем восприятия исторической реальности трансформируются в суждения о прошлом, о его значимости и важности для настоящего.

Таким образом, оценка исторического смысла события не может быть абсолютно объективной и исчерпывающей. В историческом сознании явления прошлого всегда формируются под влиянием идей, представлений, осознанных и неосознанных предпочтений, актуальных для изучающего или воссоздающего их общества.

Предметом особого внимания современных ученых выступает идея бифуркационных точек истории, т.е. тех ее моментов, которые знаменуют выбор из нескольких исторических альтернатив. В бифуркационных точках происходит изменение хода исторического развития. Оценка исхода вероятностного сценария по разным критериям – рост благосостояния, устойчивость общественной системы, уровень национального самосознания – позволяет во многом уточнить наши знания о значении многих исторических событий. Например, восстание декабристов может быть оценено и как упущение уникального шанса на создание жизнеспособного российского конституционализма, и как преступная попытка спровоцировать смуту. Какая из этих оценок ближе к истине, можно выяснить только на основе ретропрогнозирования, рассмотрения альтернатив.

Изучение альтернативных исторических возможностей подразумевает ситуацию, когда неосуществившаяся действительность мыслится как реализация одной из альтернатив, а возможность – как свойства существующей исторической ситуации, обуславливающие изменение этой ситуации. Именно точки выбора, исторические развилки, историческая случайность и момент вероятности определяют значимость проблемы альтернативности исторического развития, ее связь с тематикой и разнообразными сюжетами истории.

История предстает итогом сознательных, целенаправленных усилий, а социальное действие – незавершенным процессом с множеством сценариев, реализация которых зависит не только от выбора, решительности, целеполагания, но и от случайных исторических обстоятельств. Разветвление исторических процессов и их ускорение ведут к социокультурному разрыву между прошлым, настоящим и будущим. А в условиях транзитивных социумов, каковым является Россия, усиливается социальная коллизия между осуждением прошлого и неприятием будущего.

Циклы эволюционных и революционных изменений в проекции репрезентации социальной энтропии в российской истории

Диалектика циклов эволюционных и революционных изменений в проекции проявления социальной энтропии в российской истории показывает, что послепетровские цивилизационные проекты Романовых призваны были идеологически интегрировать в российскую государственность европейские цивилизационные принципы второго осевого времени, придававшие закону и правам личности универсальное значение. Но их воплощение в жизнь, европеизируя Россию, в европейскую цивилизацию ее не вводило. И не только потому, что подавляющее большинство населения страны к началу XX столетия не обосновалось еще в первом осевом времени, не освоило письменную культуру и руководствовалось в своей повседневной жизни обычаем, а не законом.

Европейская цивилизация двигалась от примата государства к приоритету личности, права которой узаконивались как естественные, данные человеку от рождения. Романовы же пытались соединить права личности с верховенством государства в лице самодержавной власти. Поэтому эти права считались не естественными, а дарованными. И поэтому же самодержавие, на исходе своего исторического срока юридически себя ограничив и изъяв слово «неограниченное» из законодательства, сохранило за собой статус самодержавия. Но то были паллиативы, свидетельствовавшие о том, что страна, заимствуя цивилизационные принципы европейского жизнеустройства, пыталась сохранить и свою собственную цивилизационную идентичность. Сегодня перед Россией вновь стоит данная проблема, и в этой связи интерес к прошлому России актуализирован в высшей степени.

Применимо к подобному ракурсу И. Клямкин пишет о затухающей цикличности в российской истории, поскольку заимствовавшиеся европейские права и свободы накладывались в России на сохранявшийся остов милитаристской системы, что не могло не сопровождать-

ся их деформацией и, соответственно, не могло не лишать их жизнеспособности. В результате государство под воздействием чужеродных для него инъекций со временем не столько усиливалось, сколько ослаблялось, а экономика так и не получала импульсов, достаточных для ее трансформации из экстенсивной в интенсивную. Это, в свою очередь, понуждало к продолжению имперской политики присоединения новых территорий и после того, как «собрание земель» было завершено. Сегодня мы живем в эпоху затухания российской цикличности милитаризаций-демилитаризаций, что было наглядно явлено распадом в мирное время сверхдержавной военной империи. Это затухание плохо осознается, поскольку в продолжающуюся сегодня постсталинскую эпоху воспроизводится послепетровская цикличность реформ-контрреформ, «оттепелей»-«подмораживаний», характерная для демилитаризаторских циклов [9].

Итак, следует подчеркнуть, что циклы эволюционных и революционных изменений в проекции репрезентации социальной энтропии в российской истории тесно связаны с векторами и формами смыслового взаимодействия прошлого и настоящего в контексте энтропийного роста и развертывания социальности. Экспансия социальной энтропии свидетельствует также о дезорганизации социальной памяти как символической реконструкции прошлого в настоящем и совокупности социокультурных практик, осуществляющих отбор и преобразование информации в знание о прошлом в целях сохранения и трансляции значимого социокультурного опыта.

Выводы

Выявление диалектики эволюционных и революционных изменений в контексте репрезентации социальной энтропии в российской истории показывает, что главное в рецепции прошлого, как и в осмыслении исторической реальности в качестве прошлого, – это смысл. Проблема социальной памяти о прошлом становится особенно актуальной в постсовременных обществах, находящихся в состоянии непрерывного усложнения, а следовательно, разрушения старых форм социальной жизни и динамичного потока креативных инноваций. При этом важно сохранить устойчивость общества. Но в пространстве дезорганизованной социальной памяти смыслообразующие практики, деформируя воспроизводство исторического опыта, не могут способствовать упорядочению воспоминаний о минувшем и формированию адекватных образов исторического прошлого. При отсутствии прямого доступа к прошлой реальности в обществе конструируется как бы замещенный образ прошлого.

Диалектика эволюционных и революционных изменений в плоскости репрезентации социальной энтропии в российской истории проявляется в самых разнообразных контекстах, а с проблемой устойчивости связана преимущественно тематика проявления социальной энтропии. Неопределенность и непредсказуемость исторического процесса, кажущийся хаос, значение случайности, мера отклонения от заданных траекторий – все это свидетельствует о глубокой актуальности и научной значимости тематики социальной энтропии применимо к историческому процессу.

В этой связи актуализируется проблема социальной памяти о прошлом как источник преодоления социокультурного кризиса в обществе, восстановления целостного социокультурного пространства для решения острых социальных задач на основе единых смыслов, которыми наделяется прошлое общества. Дезорганизованная социальная память является своего рода индикатором социальной энтропии, которая тем менее проявляет себя, чем более структурированной и целостной является память общества о самом себе, о своей истории.

Литература

1. *Норт Д.* Вклад неинституционализма в понимание проблем переходной экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finansy.ru/publ/north.htm> (дата обращения: 29.06.2016).
2. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006. 1176 с.
3. *Московичи С.М.* Машина, творящая богов : пер. с фр. М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
4. *Погребняк А.А.* К метафизике социального взрыва (краткий опыт о революции) // Революция и современность : сб., посвященный памяти доцента кафедры социальной философии и философии истории Почепко В.А. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 102–103.
5. *Василькова В.В.* Синергетика и теория социальной самоорганизации : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1999.
6. *Шевелев В.Н.* Все могло быть иначе. Ростов н/Д. : Феникс, 2009. 349 с.
7. *Пантин И.К.* Драма российских реформ и революций // Империя и либералы : материалы Междунар. конф. СПб., 2001. С. 27–75.

References

1. *Nort D.* Vklad neoinstitutsionalizma v ponimanie problem perekhodnoy ekonomiki [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.finansy.ru/publ/north.htm> (data obrashcheniya: 29.06.2016).
2. *Sorokin P.A.* Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika. M. : Astrel', 2006. 1176 p.
3. *Moskovichi S.M.* Mashina, tvoryashchaya bogov : per. s fr. M. : Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1998. 560 p.
4. *Pogrebnyak A.A.* K metafizike sotsial'nogo vzryva (kratkiy opyt o revolyutsii) // Revolyutsiya i sovremennost' : sb., posvyashchennyyu pamyati dotsenta kafedry sotsial'noy filosofii i filosofii istorii Pochevko V.A. SPb. : Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. P. 102–103.
5. *Vasil'kova V.V.* Sinergetika i teoriya sotsial'noy samoorganizatsii : avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. SPb., 1999.
6. *Shevelev V.N.* Vse moglo byt' inache. Rostov n/D. : Feniks, 2009. 349 p.
7. *Pantin I.K.* Drama rossiyskikh reform i revolyutsiy // Imperiya i liberaly : materialy Mezhdunar. konf. SPb., 2001. P. 27–75.

8. Ямпольский М. Настоящее как разрыв. Заметки об истории и памяти // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 51–74.

9. Клямкин И. Затухающая цикличность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liberal.ru/2012/11/07/> (дата обращения: 29.06.2016).

8. Yampol'skiy M. Nastoyashchee kak razryv. Zаметki ob istorii i pamyati // Novoe literaturnoe obozrenie. 2007. № 83. P. 51–74.

9. Klyamkin I. Zatokhayushchaya tsiklichnost' [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.liberal.ru/2012/11/07/> (data obrashcheniya: 29.06.2016).

Поступила в редакцию

10 июня 2017 г.